

УДК 82-1
ББК 83.3,4-8

Ипатова Светлана Алексеевна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, научный сотрудник
Отдела новой русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: ipatovas@rambler.ru

Об участии В.С. Соловьёва в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия

Излагается история полного перевода «Энеиды» Вергилия на русский язык (12 книг), выполненного А.А. Фетом весной-осенью 1887 г. при участии Вл.С. Соловьёва в качестве переводчика (кн. VII, IX, X). Совместная работа известного поэта, признанного переводчика с древних языков, а также его титульного соавтора казанского филолога-классика Д.И. Нагуевского (комментарии, проверка текста) и В.С. Соловьёва хронологически восстанавливается по письмам как самого Фета, так и остальных участников и свидетелей этой работы (В.С. Соловьёва, Д.И. Нагуевского, Ю.А. Кулаковского, Н.Н. Страхова, А.В. Олсуфьева и др.). Анализ привлеченного эпистолярия позволяет выяснить не только меру участия каждого из соавторов, восстановить характер и детали этой совместной работы, но и понять суть возникших разногласий. Между тем в большинстве исследований техника перевода Соловьёва противопоставляется технике Фета не в пользу последнего без учета имеющегося документального материала. Благодаря этим усилиям, фетоведение пополнилось высказываниями о базовом переводческом принципе поэта, в которых термин «переводческий буквализм» чаще звучит как приговор, если он высказывается в отношении Фета, а особенный «буквализм» в переводе Соловьёва признается лучше фетовского. Анализ творчества Фета и Соловьёва позволяет сделать вывод, что, если бы перевод Соловьёва существенно отличался от принципов, заданных Фетом, едва ли этот творческий союз был бы возможен, и, зная щепетильность Фета, вряд ли бы имя Соловьёва на титуле «Энеиды» как равноправного, но другого переводчика. Между тем, все части перевода органичны и выполнены упорно декларируемым Фетом так называемым «буквальным» способом перевода, стремящимся к абсолютно точной передаче буквы и духа оригинала.

Ключевые слова: переводческая деятельность А.А. Фета, «Энеида» Вергилия, принципы «буквального» перевода, эпистолярный, коллективная редакция

Ipatova Svetlana Alekseevna

Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, Scientist Researcher of the Department of the New Russian Literature, St. Petersburg, Russia, e-mail: ipatovas@rambler.ru

On V.S. Solovyov's Participation in the Translation of Virgil's "Aeneid" by Fet

The article describes the history of the complete translation of Virgil's "Aeneid" into Russian (12 books), performed by A.A. Fet in the spring and autumn of 1887 with the participation of V.S. Solovyov as a translator (books VII, IX, X). The joint work of the famous poet, acclaimed ancient languages translator, as well as his major co-author, the classic philologist from Kazan, D.I. Naguevsky (comments and text revision), and Solovyov is chronologically reconstructed through the letters of both Fet

and the rest of the participants and witnesses of this work (Solovyov, Naguevsky, J.A. Kulakovsky, N.N. Strakhov, A.V. Olsufiev, etc.). Not only does the analysis of this epistolary allow to determine the level of participation of each of the co-authors, as well as to restore the nature and details of this collaboration, but also to understand the essence of the disagreements that arose among them. Meanwhile in most studies Solovyov's translation technique is contrasted with Fet's not in favor of the latter without considering the available documents. Thanks to these efforts, the style of Fet has been supplemented by statements about the poet's basic principles of translation in which the term "literal translation" often sounds like a verdict when it is expressed in relation to Fet and Solovyov's special "literalism" is recognized better than Fet's. The author of the article comes to the conclusion that if Solovyov's translation significantly differed from the principles established by Fet, this creative union would hardly be possible, or, knowing Fet's scrupulousness, we would find Solovyov's name on the title of the Aeneid as an equal, but different translator. Meanwhile, all parts of the translation are organic and are performed in the so-called "literal" method, persistently declared by Fet, who strives for absolute transmission of the letter and spirit of the original.

Key words: translation activities of A.A. Fet, Virgil's Aeneid, principles of "literal" translations, correspondence, collective editing

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.119-135

Размах напряженной переводческой деятельности А.А. Фета, значительно превосходящей по объему переведенного материала собственное поэтическое и публицистическое творчество, поражает не столько внушительным списком имен, в котором, безусловно, преобладали латинские авторы, не столько скоростью исполнения этих переводов, сколько тем, что из любителя античной поэзии Фет, упорно стремясь к абсолютно точной передаче буквы и духа оригинала, стал профессиональным филологом-классиком. «Русские филологи, – писал киевский профессор-античник Ю.А. Кулаковский в 1889 г., – должны быть признательны г. Фету за ту помощь, которую оказывает он им в их задаче – сближать русское просвещение и русскую образованность с античным миром» [1, с. 4]. Из авторов, переведенных поэтом за последние десять лет жизни, составилась целый корпус «римской» библиотеки. Вслед за полным Горацием (М., 1883) им были переведены: Ювенал (М., 1885), Катулл (М., 1886), «Элегии» Тибулла (М., 1886), «Превращения» Овидия (М., 1887), «Элегии» Проперция (СПб., 1888), «Энеида» Вергилия (М., 1888), Персий (СПб., 1889), эпиграммы Марциала (М., 1891), комедия Плавта «Горшок» (М., 1891)¹; подготовленные Фетом «Скорби» Овидия увидели свет уже после его смерти (М., 1893) недавно был опубликован перевод двух глав трактата Лукреция «О природе вещей»².

В этой титанической работе Фет, по собственному признанию, пользовался советами, консультациями и помощью целого ряда лиц: М.Г. Киндлера,

¹ К этому перечню следует добавить переводы из Шекспира, Гёте, Гейне, Шиллера, Уланда, Бранже, Мюссе, Рюккерта, Саади, Гафиза, Байрона, Мицкевича, А. Шенье, а также такие сочинения А. Шопенгауэра, как «Мир как воля и представление» (М., 1881), «О четверном корне закона достаточного основания» (М., 1886), «О воле и природе» (М., 1886).

² См.: Неизданный перевод Фета. Лукреций. О природе вещей / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 3. К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета (1820–2020). СПб.: Росток, 2018. С. 264–339 [2].

гимназического преподавателя латинской словесности, помогавшего Фету при переводе Горация, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Вл.С. Соловьева, классиков Ф.Е. Корша, Д.И. Нагуевского, А.В. Олсуфьева, Ю.А. Кулаковского и др. Фет вспоминал: «...мне приходится усердно благодарить людей ..., протягивавших руку помощи в моих работах. В самом деле, не удивительно ли, что, начиная с Аполлона Григорьева, я постоянно находил людей, бескорыстно жертвовавших в мою пользу своими досугами? Такими являлись: Федор Евгеньевич Корш, с которым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы “Превращения”, Катулла и половину Проперция; Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов, с которым я перечитывал Тибулла и Проперция; Влад<имир> Серг<еевич> Соловьев, исполнивший перевод 7-й, 9-й и 10-й книг “Энеиды” Вергилия; Д.И. Нагуевский, снабдивший этот перевод введением и примечаниями; и, наконец, граф Ал<ексей> В<асильевич> Олсуфьев, с которым мы просматривали 2-ю часть Проперция и в настоящее время усердно трудимся над переводом такого талантливого капризника, как Марциал. Разве можно без глубокой признательности помянуть все эти имена?» [3, с. 387–388].

Вместе с тем помощь знатоков и специалистов никак не влияла на собственный метод перевода античных авторов, который Фет упорно отстаивал на протяжении всей жизни. Изучение и публикация сохранившейся переписки поэта с названными выше лицами, так или иначе причастными к работе над античными переводами³, дает богатейший материал не только для житейской и творческой биографии поэта, но и для осмысления и анализа той новаторской техники перевода, которая до сих пор вызывает разноречивые споры. Еще при жизни поэта оппоненты, противопоставляя его переводы традиции творческого (или вольного) перевода, называли их «буквальными» или «буквалистскими», вкладывая в это понятие отрицательные коннотации. Из многочисленных высказываний Фета о задачах переводчика, рассеянных по его предисловиям, а также письмам, приведем одно из наиболее характерных: «Счастлив переводчик, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением; это высшее счастье и для него, и для читателя. Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора» [4, с. 6]. Таким образом, «буквальность» перевода понимается Фетом как «буквальность» смысла, т. е. буквы и духа оригинала, постигать который способен лишь

³ См.: Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 214–246; М., 2000. Вып. 51. С. 251–279; М., 2004. Вып. 52. С. 106–134 [5]; Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 1. М.; СПб., 2010. С. 365–449 [6]; Письма Ю.А. Кулаковского к Фету (1887–1892) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб., 2013. С. 428–520 [7].

читатель с чутьем, не ищущий «приятной» формы в передаче смысла подлинника⁴. К моменту обращения Фета к Вергилию официально он становится признанным переводчиком с древних языков: за перевод полного Горация (1883 г.) он в 1884 г. становится лауреатом Пушкинской премии, а в 1886 г. за переводческую деятельность в целом поэту было присвоено звание члена-корреспондента Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Хроника работы Фета над полным переводом «Энеиды» с начала марта по осень 1887 г. в своем имении в селе Воробьевка Курской губернии восстанавливается по письмам как самого Фета, так и В.С. Соловьева, Н.Н. Страхова, Ю.А. Кулаковского, графа А.В. Олсуфьева, Д.И. Нагуевского и др., из которых выясняется мера их участия в переводе, а также детали совместной работы Фета с титульным соавтором Нагуевским, так и Соловьевым, приглашенным по этому провести лето в деревне. Итак, 7 марта 1887 г. Феты выехали из Москвы в свое курское имение⁵, в котором начиная с 1877 г. жили, как правило, с 1 марта по 1 октября. Через несколько дней, 11 марта 1887 г., Фет, уже работая над переводом первой книги, по рекомендации гр. Олсуфьева⁶ обратился к казанскому филологу-классику Нагуевскому⁷ с просьбой взять на себя написание «самонужнейших примечаний» к тексту, оговорив при этом, что, «конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок моего перевода»⁸. К этому вре-

⁴ Таким образом, не следует путать проблему буквального (дословного, подстрочного) перевода с проблемой буквальной передачи общего смысла и «строя», заложенного в переводимом произведении. Пытаясь понять механизм этого устойчивого заблуждения, мы столкнулись с прямо противоположным случаем, когда Фет упорно отказывается от школьного грамматически буквального прочтения одного из стихов, предлагаемого авторитетными изданиями, а также предшествующими (и добавим, последующими) переводчиками, отстаивая свое, полярно отличающееся прочтение, которое более точно, как нам кажется, передает поэтику, «строй», смысл и дух оригинала (см.: *Ипатова С. А.* «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят...»: О фетовском прочтении одного стиха «Энеиды» Вергилия (*Аен. IV, 121*) // А. А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. С. 108–126 [8].

⁵ См. письмо Фета к Олсуфьеву от 4 марта 1887 г.: Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 50. С. 233.

⁶ Граф Алексей Васильевич Олсуфьев (1831–1915), генерал-лейтенант от кавалерии, не имел специального филологического образования, однако был страстным почитателем и серьезным знатоком римской поэзии. Был лично знаком с многими известными учеными-классиками. Преданно помогал Фету в исправлении и проработке переводов «XV книг Превращений» Овидия (1887 г.), «Элегий» Проперция (1888 г.), «Эпиграмм» Марциала (1891 г.) и др. Их дружба, основанная, по определению Фета, на «долговременном и драгоценном сотрудничестве», продолжалась до конца жизни поэта (см.: Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву. Вып. 50. С. 214–223. Его основные работы: Олсуфьев А.В. Ювенал в переводе г. Фета [Д. Юния Ювенала Сатиры. В пер. и с объяснением А. Фета. М., 1885] / [Соч.] Ал.В. Олсуфьева – С.Петербург: Тип. В.С. Балашева, 1886. 126 с.; Олсуфьев А.В. Марциал: Биограф. очерк / [Соч.] гр. Олсуфьева. Москва: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1891. 139 с.)

⁷ Дарий Ильич Нагуевский (1845–1919), доктор классической филологии, ординарный профессор Казанского университета по кафедре римской словесности, автор многочисленных комментированных изданий поэмы Вергилия для студентов гимназий и университетов (см.: Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 1. С. 368–369).

⁸ Там же. С. 382.

мени Фет уже перевел половину первой книги из двенадцати имеющихся. Нагуевский дал согласие, и уже 29 апреля 1887 г. Фет сообщает гр. Олсуфьеву, что нездоровье тем не менее не помешало ему «добраться до конца пятой книги “Энеиды” и переслать Нагуевскому как образчик первую книгу»⁹. Оптимальную организацию совместной работы Фет видит следующим образом: «...я убедительно прошу Вас сначала беспощадно подчеркнуть те места для себя карандашом, которые Вы найдете неверными, причем Вы сами увидите, почему они неверны: потому ли, что я превратно понял оригинал, или потому только, что я, как рыба, бьюсь на крючке, которого она ни сбросить, ни проглотить не в силах. Вспомните, что мои ноги, или, лучше сказать, стопы, немилосердно сдержаны стопами гекзаметра, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна, а во втором только желательна, если достижима. ... в случае замеченного Вами желательного исправления, Вам достаточно ... подчеркивать соответственные латинские слова и прописывать над ними желаемый Вами перевод» [6, с. 387].

С В.С. Соловьевым, сыном своего университетского товарища, историка С.М. Соловьева (1820–1879), Фет сошелся в середине 1870-х гг., однако, по справедливому замечанию публикатора их переписки Г.В. Петровой, «история собственно творческих взаимоотношений Фета и Соловьева, отмеченных не только общими интересами, но и человеческой близостью, начинается в 1881 году, с первых писем»¹⁰. Соловьев принимал участие в редактировании перевода «Фауста» Гете, выполненного Фетом в 1880 г. К 1880-м гг. относится их «римское» творческое содружество: в 1885 г. Соловьев помогает поэту в переводах Катулла, в 1886 г. – Овидия, лето 1887 г. было отмечено его активным участием в переводе Вергилия. Итак, давний друг и помощник в переводах прибыл в Воробьевку 16 апреля 1887 г. с целью погостить у поэта в летние месяцы, но так случилось, что в этот период Фет приступил к полному переводу «Энеиды» и помощь молодого друга оказалась весьма кстати. Вероятно, сразу же по прибытии в имение Соловьев писал матери: «...живу у Фета. <...> Жить у Фета приятно и очень спокойно»; «завтра я с Фетами еду в другую их деревню, в Воронежскую губернию, на несколько дней»¹¹. Фет ездил в Грайворонку Воронежской губернии с 15 по 19 мая, о чем писал К.Р. 26 мая 1887 г.¹² Неизвестно, участвовал ли Соловьев в этой поездке. В одном из писем к матери от весны 1887 г. он продолжает: «Фет борется с одышкой и немного дряхлеет.

⁹ См.: Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. С. 233–234.

¹⁰ См.: Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 362 [9].

¹¹ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1908. 283 с.; Т. 2. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1909. С. 50 [10].

¹² См.: Переписка <Фета> с вел. кн. Константином Константиновичем (К. Р.). 1886–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. (Литературное наследство. Т. 103). Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 621 [11].

Впрочем, надеюсь, что еще продержится. Марья Петровна (жена Фета. – *С.И.*), накормив меня до бесчувствия, замечает с грустью: “И чем только жив? Ведь ничего не кушает!”» [10, т. 2, с. 51]. «Феты усиленно кланяются», – говорится в следующем письме [10, т. 2, с. 52]. В самом начале июня 1887 г. Соловьев сообщает матери: «А часто писать не о чем при совершенном однообразии моего теперешнего житья. <...> Разверзлись хляби небесные и повергли моего хозяина в пучину мрачного отчаяния. По этой же причине до сих пор не мог съездить с Марьей Петровной в монастырь Коренную Пустынь, где есть чудотворная икона. Здесь пока гощу только я один. На днях ждут Страхова», ... обещали заехать Кутузов, Цертелев и Кулаковский» [10, т. 2, с. 53]. «Итак, если ничего особенного не случится, – сообщает он матери в письме, вероятно, от середины июля того же года, – я располагаю до конца сентября пребыть в Воробьевке» [10, т. 2, с. 54].

К совместной работе с Фетом над переводом Соловьев приступил, видимо, сразу же по прибытии. 20 мая 1887 г. Фет сообщал жене Л. Толстого С.А. Толстой: «С шестнадцатого апреля гостит у нас милейший Владимир Сергеевич, который усиленно помогает мне, старику, в моей работе» [11, кн. 2, с. 144]. В тот же день Соловьев писал Н.Н. Страхову: «...перевожу с Афанасием Афанасьевичем “Энеиду”» [10, т. 2, с. 36]; а брату Михаилу сообщал: «Перевожу с Фетом Энеиду. Валяем по 80 стихов в день» [10, т. 4, с. 36], и следом отмечал языковые трудности: «Ужасно трудно переводить с латинского на русский. В латинском слова все короткие, а в русском длинные, да еще одним-то словом не всегда и обойдешься» [10, т. 4, с. 112]. 3 июня 1887 г. Фет, жалуясь своей корреспондентке писательнице С.В. Энгельгардт на «множество ненавистных» ему «материальных забот» по хозяйству, писал: «Единственную отраду в настоящее время представляет гостящий у нас на лето, знакомый Вам Владимир Сергеевич, который не хуже меня, или даже хуже болен, если принять в расчет, что он не достиг и половины моих лет. Это не мешает ему усердно помогать мне при переводе „Энеиды“, которая, как я чувствую, будет с поступлением осенью в печать, моей лебединой песней» [12, с. 393]. В свою очередь, Соловьев в письме к кн. Е.Г. Волконской от 29 июня 1887 г. сообщал: «Я так рад, что мое маленькое знание латинского языка и способность к версификации позволяет мне жить у моего теперешнего хозяина *с пользою для него*, разделяя его труд по переводу “Энеиды”»¹³.

О причинах привлечения Соловьева к этому сотрудничеству говорится в предисловии Фета: «...мы, с обычным рвением, принялись за перевод Энеиды, начало которого было одобрительно встречено знатоками. Так шло дело почти до конца пятой книги. Но затем усиливающиеся хронические недуги и мучительное ослабление зрения привели нас к убеждению, что работа наша или затянется на неопределенное время, или остановится на половине пути. <...> В

¹³ Цит. по: Переписка <Фета> с вел. кн. Константином Константиновичем (К.Р.). 1886–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. С. 628.

такую, можно сказать, плачевную минуту бессилия, говоря выражениями древних, – музы нежданно послали нам незаменимого помощника в лице Вл<адимира> Серг<еевича> Соловьева, превосходно владеющего русским стихом, при тонком эстетическом чутье и основательном знании латинского языка. Шестую книгу мы переводили с ним общими силами, а затем, в видах выигрыша времени, разделили труд, и седьмая, девятая и десятая книги вполне переведены им» [13, ч. 1, с. VIII–IX]. Из Предисловия не очевидно, что в действительности, инициатива помогать Фету принадлежала самому Соловьеву, приехавшему на длительный срок в Воробьевку отдыхать, что подтверждается письмом Фета к Олсуфьеву от 29 апреля 1887 г.: «...любезно вызвался помогать мне в переводе» [5, вып. 1, с. 233–234]. Позднее, в письме к Нагуевскому от 14 сентября 1887 г., Фет уточнит свое решение в отношении участия Соловьева: «Во избежание разноречий при нераздельном сотрудничестве он взялся перевести отдельно седьмую, девятую и десятую книги, о чем будет мною сказано в предисловии. Ибо целью моею никогда не было выставлять собственные заслуги, и я хотел дать нашей литературе то, чего в ней, к крайнему сожалению и стыду, до сих пор не было. Чьею рукою именно восполнится этот пробел, для меня безразлично» [6, с. 408].

В летние месяцы 1887 г. помимо Соловьева в Воробьевке побывали: античник, профессор Киевского университета Ю.А. Кулаковский (три дня; вероятно, с 23 по 26 августа), с которым Фет познакомился зимой 1884 г. в доме В.С. Соловьева, а также Н.Н. Страхов, гостивший в это лето дважды – со 2 по 5 июля 1887 г., в эти дни он просмотрел 45 стихотворений Фета, предназначенные для третьего выпуска «Вечерних огней», готовящихся поэтом к печати (книга вышла в январе 1888 г.) и второй его приезд состоялся с 15 по 23 августа 1887 г.; не исключено, что приезжали в Воробьевку А.А. Голенищев-Кутузов и Д.Н. Цертелев, которых, как сообщал Соловьев, «обещали захватить». Страхов в письме к А.Н. Майкову от 23 июля 1887 г. так описал совместную работу Фета и Соловьева: «Они взапуски переводят “Энеиду”; Соловьев приготавливает в утро стихов 50 из которой-то песни и потом прочитывает их Фету, причем, разумеется, начинаются частенько споры. Перевод того и другого близкий и верный, но неудобовразумительный точно так же, как и другие переводы Фета. Я промолчал, но узнал от Соловьева, что и он не одобряет этой методы»¹⁴. О не простом характере сотрудничества и сути возникавших разногласий через год Фет вспоминал в письме от 9 июля 1888 г. к вел. кн. Константину Константиновичу (К.Р.): «...приведу в подробности прошлогодние, вначале ожесточенные, споры мои с Вл. Соловьевым о гекзаметре и пентаметре, во время сотрудничества его при переводе “Энеиды”. Он никак не хотел понять, что большинство античных гекзаметров имеют цезуру, как отрубленную в конце третьей стопы: “Любо глядеть на тебя” / или “С диском блестящим когда” /»; <...> «Вл.

¹⁴ Цит. по: Переписка <Фета> с вел. кн. Константином Константиновичем (К. Р.). 1886–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. С. 628.

Соловьев утверждал, что это безразлично, но, вслушавшись в стихи, переправил все свои переводы так, чтобы с цезурой совпадало и окончание слова, а затем уже вменял мне всякое подобное упущение в ошибку против благозвучия»¹⁵. Со своей стороны Соловьев, определяя принципы перевода платоновских диалогов, предпринятого им по давней просьбе Фета и посвященного его памяти, так описал эти разногласия в своем предисловии к «Творения Платона» (М., 1899): «Переводчик, желающий верно *передать*, а не *предать* своего автора (особенно когда дело идет об авторе классическом), должен одинаково остерегаться и Сциллы неуместного сочинительства, и Харибды мертвого буквализма. И то и другое одинаково несовместно с *верностью* перевода. <...> Кажется, что Сциллы сочинительства и “литературности” я вполне избежал в своих переводах, да это было и легко – требовалось только простое сознание своей обязанности и доброе намерение ее исполнить. Труднее было избежать Харибды буквализма <...>. Буквальность есть во всяком случае основа верного перевода, и отступать от нее позволительно только на достаточных основаниях. Но как определить эти основания? / Когда я с Фетом занимался переводом Энеиды, у нас возникали из-за этого ожесточенные споры. Афанасий Афанасьевич, как и следует, под *верностью* понимал прежде всего буквальную точность (разумеется, насколько она совместима с русской грамматикой), я же, в принципе с этим соглашаясь, не мог, однако, во многих случаях примириться с таким его переводом и требовал отступлений от безусловной точности. Так как за этими требованиями Фет не видел определенной нормы хорошего перевода, то он и недоумевал, чего же я в сущности желаю, и если иногда уступал, то не моим убеждениям, а тайному голосу собственного вкуса» [14, с. X–XI].

О пребывании в Воробьевке Кулаковского Фет сообщал 27 августа 1887 г. С.А. Толстой: «...в ночь Соловьев проводил на железную дорогу весьма милого профессора Киевского Университета – Кулаковского»¹⁶. Упоминает об этом пребывании ученого и Соловьев, писавший Страхову 6 сентября 1887 г. из Воробьевки «...после отъезда Вашего, кроме незнакомого Вам киевского профессора Кулаковского, никаких новых лиц не видал, и у нас все по-старому» [10, т. 1, с. 38]. Ученый неоднократно возвращался в своих письмах к теплым воспоминаниям о пребывании в имении – радушный прием хозяев, дружеское общение, творческая атмосфера. Гости не только наблюдали процесс совместного творчества Фета и Соловьева, но и, вероятно, высказывали свои замечания, особенно важными из них могли быть замечания и поправки филолога-классика Кулаковского. Позднее в анонимной рецензии «Русского вестника», принадлежащей, скорее всего, его перу, будет отмечено: «С удовольствием приветствуем мы этот новый труд нашего заслуженного перед классическим миром поэта», перевод которого «отличается вообще большой

¹⁵ Цит. по: Переписка <Фета> с вел. кн. Константином Константиновичем (К.Р.). 1886–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. С. С. 702.

¹⁶ Цит. по: там же. С. 155.

точностью. <...> Нам попадались на глаза целые десятки стихов кряду, где не только каждый стих перевода точно соответствует стиху подлинника, но где перевод воспроизводит даже и самый порядок слов оригинала» [15, с. 289].

В Воробьевке Соловьев пробыл пять с лишним месяцев, до 22 сентября (см. письмо Соловьева к брату М.С. Соловьеву от 18 сентября 1887 г.). Вспоминая впоследствии это время как одно из лучших, Соловьев писал Фету из Франции 21 августа 1888 г.: «...не достает мне, сравнительно с прошлым летом, милого Воробьевского общества»; «наверное я не мог бы прожить так с удовольствием полгода, как прожил в Воробьевке» [10, т. 3, с. 117]. Свой вклад в общий перевод в виде трех книг Соловьев расценивал как авторский и принадлежащий ему всецело, хотя и оговорил, что «окончательная редакция» этих трех книг велась «сообща» с Фетом. Ценное свидетельство по этому поводу содержится в его письме от 4 сентября 1887 г. к кн. Д.Н. Цертелеву, на тот момент сотруднику «Русского вестника»: «...прилагаю для сентябрьской книги 7 новых стихотворений моего хозяина, которыми кроме меня восхищались Страхов и Кутузов. <...> я, со своей стороны имею пока предложить следующий распротоцензурный вклад в “Русский вестник”: три книги (или песни) “Энеиды” Вергилия в подстрочном переводе гекзаметрами. Может быть, Страхов говорил тебе что-нибудь об этом. Хотя при окончательной редакции мы работали сообща с Афанасием Афанасиевичем и, разумеется, я ему обязан более, чем он мне, тем не менее эти три книги я могу считать своей долей и предлагаю ее тебе от себя, – конечно, с согласия главного переводчика. За верность перевода может поручиться специалист, профессор латинской словесности (Киевского университета), которому я читал эти книги и который остался чрезвычайно доволен переводом (речь идет о Кулаковском. – С. И.). На счет русского стиха ты можешь судить сам, и если найдешь какую-нибудь какофонию, то я с удовольствием исправлю, коли это возможно без существенного ущерба для верности перевода. [Впрочем, *entre nous* сойт (между нами. – *фр.*), – мои гекзаметры вообще благозвучнее и яснее Фетовских]. Места это возьмет немного, в двух или даже трех №№ по листу или полтора на песню. Гонораром я тебя обижать не стану <...> скажу тебе откровенно, что ты мне сделаешь *большое одолжение*, напечатавши это неотлагательно... [Относительно 7 стихотворений Фета, конечно, не может быть никаких затруднений]¹⁷. Я забыл сказать, что ни одного сколько-нибудь серьезного перевода “Энеиды” у нас не было¹⁸; Жуковский перевел только 2-ую книгу (мои: 7-ая, 9-ая и 10-ая), так что мне кажется, что это для солидного литературного журнала не вредно» [10, т. 2, с. 254]. Об основной цели этой публикации (получить гонорар) говорится в ответном письме Соловьева

¹⁷ Вскоре в «Русском вестнике» были опубликованы три стихотворения Фета: I. Жду я, тревогой объят...; II. В степной глуши над влагой молчаливой...; III. Прости и все забудь в безоблачный ты час... (1887. № 9. С. 61–62).

¹⁸ Среди полных русских переводов, выпущенных до Фета, следует назвать перевод В. Петрова, выполненный рифмованными стихами (СПб., 1781–1786; александрийским стихом), И. Шершеневича (Варшава, 1868; размером подлинника – гекзаметром) и И. Соснецкого (М., 1872; рифмованным анапестом).

к Страхову от 6 сентября 1887 г.: «...7 стихотворений Афанасия Афанасьевича были уже посланы в редакцию “Русского Вестника”, а я с своей стороны могу предложить только три книги “Энеиды” с согласия Аф. Аф. – Моя цель при этом – получить деньги, а цель моего друга редактора – доставить мне оные» [10, т. 1, с. 38]. Трудно сказать, по какой причине публикация трех книг, переведенных Соловьевым, не состоялась ни в «Русском вестнике», ни в других изданиях. В декабре 1887 г. (ценз. разр.: 9 декабря) вышла первая часть перевода «Энеиды», включающая шесть книг. На титуле значилось: «Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д.И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I–VI. М., 1888»¹⁹. 27 февраля 1888 г. вышла вторая часть перевода (кн. VII–XII) с теми же титульными данными (ценз. разр.: 15 февраля).

Трудно переоценить значение имеющейся обширной переписки Фета и его титульного соавтора Нагуевского, в которой детально отразились все перипетии совместной работы и оказались озвучены неожиданные сведения, позволяющие уточнить некоторые детали привлечения и участия Соловьева в фетовском переводе «Энеиды». В процессе совместной работы над переводом, казалось бы, безоблачное и продуктивное сотрудничество с Нагуевским омрачилось неприятным инцидентом, в который, помимо непосредственных участников готовящегося издания «Энеиды», включая Соловьева, оказались вовлечены гр. А.В. Олсуфьев, Н.Н. Страхов, Н.Я. Грот, Ю.А. Кулаковский. Причина конфликта, в результате которого Нагуевский отказался от сотрудничества во второй части готовящейся книги, заключалась в следующем: по окончании работы над первой частью ученый-классик приложил к своему письму от 24 сентября 1887 г. образцы обложки и титульного листа первой части: «Два листка как образцы для обертки и заглав<ого> листа» (не сохр.), на которых обозначил себя не только как автора «введения», «объяснений» (т. е. комментариев), а также как специалиста, осуществлявшего «проверку» текста, но и редактора всего перевода²⁰. Фет, вероятно, согласился выставить на титуле имя Нагуевского и как редактора перевода тоже. 9 октября из типографии пришла первая корректура; дальнейшее развитие событий восстанавливается по письму Фета от 23 октября 1887 г.: «На днях находившийся в отсутствии сотрудник мой Влад<имир> Соловьев, увидав черновую обертки и заглавного листа (это было в кругу людей, принимающих живое участие в моей “Энеиде”), разразился, можно сказать без преувеличения, неожиданным для меня бунтом, укоряя меня в том, что я без ведома его открываю *товарищескую фирму*, в которой он, как несомненный сотрудник, имеет полное право участия, и напрямик заявил, что, довольствуясь заявлением в предисловии о его сотрудничестве, он положи-

¹⁹ 26 декабря 1887 г. Фет писал Я.П. Полонскому: «Прилагаю при сем только что вышедшую из печати первую часть “Энеиды”» (См.: Переписка с Я.П. Полонским. 1846–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. (Литературное наследство; т. 103). Кн. 1. С. 614.

²⁰ См.: Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. С. 410.

тельно отказывает в согласии на выставление фирмы без его имени, а равно и со включением его в оную. Точно также он находит слово *под редакциею* не соответственным действительности, ибо этою редакциею мы, как выше сказано, были заняты с ним много раз и после любезных указаний Ваших. Вчера Граф Олсуфьев был у меня и вполне становится в этом случае на сторону Соловьева и других знатоков, настоятельно требовавших от меня уступок Соловьеву. Надеюсь, Вы убедитесь, что я в настоящем случае только пассивен, ограничиваясь повторением на обертке Вашего заголовка с выпуском в нем слова *под редакциею* и оставляя: со введением и т. д.» [6, с. 414]. В ответном письме от 30 октября 1887 г. Нагуевский, уязвленный тем, что его якобы заподозрили в желании прославиться «правдами и неправдами», объяснил свое желание стать титульным «редактором перевода» тем, что «внимательно, с текстом в одной, с переводом в другой руке прочитывал» рукопись, а «проверять добросовестно, в полном объеме чужую работу несравненно труднее, чем двигать собственную»; и далее, настаивая на помещении на титуле обозначения «под редакциею», как «принадлежащее мне по существу дела», замечает в отношении Соловьева: «Что касается, до какой-то *товарищеской фирмы*, то последняя существует, вероятно, только в болезненном воображении Вашего сотрудника»; отказываясь от участия во второй части (книги VII–XII), Нагуевский мотивирует свой отказ тем, что «при промахах, замеченных мною в VII, IX и X книгах и допущенных Вашим сотрудником, мне пришлось бы вступать в пререкания и незаслуженно, как и в данном случае возбуждать “*rabiem*” (ярость – *лат.*) г. Соловьева» [6, с. 415–417]. Во время самоустранения Нагуевского (конец октября – начало ноября 1887 г.) Фет написал Кулаковскому (письмо не сохр.), предлагая ему заменить казанского ученого, и получил от него согласие²¹; но вскоре конфликт удалось уладить благодаря содействию гр. Олсуфьева, и Нагуевский вернулся к работе над второй частью²².

«Гр. Олсуфьев, – пишет Нагуевский 18 ноября 1887 г., – просит меня (письмо неизв.) продолжать сотрудничество в “Энеиде”. Сущность моего ответа и условия... он ... Вам, вероятно, сообщил, и от Вас будет зависеть» [6, 418]. В имеющихся письмах Олсуфьева к Фету нет никаких сведений об «условиях» Нагуевского; скорее всего, речь шла о части Соловьева и нежелании писать комментарии к ним, такое объяснение логически вытекает из письма Фета от 21 ноября 1887 г.: «Мною в настоящее время уже написаны примечания к четырем книгам: 7, 8, 9 и 10-й, и тексты оных по крайнему моему разумению и возможности исправлены», тем не менее, оговаривает Фет, «могут встретиться места, требующие Ваших указаний по неправильному их пониманию»; конечно и «несомненно, цель обоих нас при сотрудничестве дать литературе по воз-

²¹ См.: Письма Ю.А. Кулаковского к Фету (1887–1892) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. С. 459.

²² См. об этом подробнее: Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. С. 373–378, 413–415.

возможности удовлетворительный перевод “Энеиды”; чтобы не повредить нашему общему труду, мы не должны до окончания его расходиться в разные стороны, но кроме этого не следует упускать из виду и того соблазна, в который мы введем публику, приученную заглавием 1-й части смотреть на книжку, как на продукт нашего общего труда и видящую вдруг, что мы по неизвестным ей причинам не держим нашего обещания. Не будет ли это некоторым подобием раздачи подписчикам журнала за вторую половину года не абонированного издания, а совершенно иной редакции?» [6, с. 420]. Нагуевский внес свои поправки и замечания к переводам книг второй части, работа над которой пришлось на декабрь 1887 г. – начало февраля 1888 г. Необходимо добавить, что сам Фет, в отличие от Соловьева или Кулаковского, отнесся к тщеславным претензиям Нагуевского весьма терпимо. «...я навсегда останусь Вам чистосердечно признательным, – писал он казанскому ученому 1 февраля 1889 г. в ответ на поздравление с литературным юбилеем, – за любезное сотрудничество Ваше ... и скажу прямо, что единственно Вам я обязан той сравнительной безупречностью издания, с какою появился этот мой перевод. Это я всегда скажу не во гнев разным хулителям, вносящим в дело какие-то личные оттенки» [6, с. 445].

Вскоре, как уже упоминалось, была опубликована анонимная восторженная рецензия в «Русском вестнике», принадлежащая, скорее всего, Кулаковскому; в рецензии отмечался низкий уровень работы Нагуевского, противопоставленный высокому качеству перевода Фета: «...г. Фет такой мастер стиха и так владеет русским словом, слогом и стилем, в его переводе видно столько продуманного труда ..., что наши филологи могут теперь надеяться, что Вергилий и у нас на Руси перестанет быть только *школьным* автором». Что касается участия Нагуевского, говорится в статье, то «нас удивило несколько то, что сколько мы ни старались найти собственное в его работе, это нам не удалось. Повсюду мы могли констатировать дословный перевод с немецкого. <...> Не беремся угадывать, на сколько Энеида в русском переводе г. Фета обязана своей исправностью и точностью “проверке текста”, произведенной г. Нагуевским, о которой г. Фет счел нужным заявить на заглавном листе» [15, с. 289–293]. По мнению того же Кулаковского о Нагуевском, высказанном им позднее в статье, посвященной юбилею Фета, перевод «Энеиды» «не выиграл от участия в деле его издания этого наивного компилятора чужой учености, который не останавливается и перед плагиатом. Различные более или менее тонкие оттенки в языке Вергилия, оставшиеся незамеченными г. Фетом, ускользнули и от г. Нагуевского ... Фет ... «владеет русским языком, как его мастер, тогда как г. Нагуевский в нем вовсе не хозяин. Образчики его собственного стиля в предисловии и примечаниях дают красноречивое свидетельство о том, как мало мог он быть компетентен в суждении о правильности передачи г. Фетом вергилиева текста на русский язык» [1, с. 8–9]. Хвалебная рецензия на перевод Фета была опубликована в «Пантеоне литературы». Ее автор, ученый-классик В.А. Алексеев, дал сравнительный анализ переводов Фета и Шершеневича, в котором наиболее удачным признал перевод Фета – «ценное приобретение для русской лите-

ратуры». Что касается Нагуевского, то и здесь ему были высказаны целый ряд серьезных замечаний, а также сожаление, что примечания «могли бы быть и обстоятельнее»²³.

Пристальное исследовательское внимание к технике фетовского перевода «Энеиды»²⁴ отчасти было вызвано участием в нем Соловьева: «Перевод “Энеиды” Вл. Соловьева не пользуется широкой известностью ни у читателей, ни даже у специалистов. <...> Отчасти это связано с тем, что перевод Соловьева появился в издании “Энеиды”, переведенной Фетом. Перед нами один из тех редких образцов переводческой техники, когда два поэта перевели одного автора», – пишет Т.Ф. Теперик [21, с. 158]. При этом нигде не сказано, почему Соловьеву «достались» части, «наиболее трудные как для перевода, так и для анализа». Следует отметить, что в большинстве исследований техника перевода Соловьева противопоставляется технике Фета не в пользу последнего. «Надо заметить, – полагает А.Ф. Лосев, – что перевод Соловьева звучнее и легче переводов Фета» [19, с. 78]. Как об «очень тяжелом и неуклюжем» переводе Фета в общем переводе Фета–Соловьева говорит и Ф.А. Петровский [17, с. 294–295]. «В целом принимая тенденцию Фета, – замечает Т.Ф. Теперик, – Соловьев все же избирательно отнесся к его требованиям» [21, с. 159], у Соловьева меньше, чем у Фета, и «традиционных эпических архаизмов», у Соловьева «не наблюдается механическое копирование», таким образом, «в метрике, стиле, фонетике соловьевского перевода достаточно свободы и вариативности в обращении с постулатами буквализма»²⁵. Фетоведение, благодаря этим усилиям, пополнилось высказываниями о базовом переводческом принципе поэта, в которых термин «переводческий буквализм» чаще звучит как приговор, если он высказывается в отношении Фета, а особенный «буквализм» в переводе Соловьева признается лучше фетовского. В чем же выразилась точность Соловьева? В той же статье Теперик читаем: «в лексике, в приближении к синтаксическому строю подлинника, в максимальной близости к оригиналу при передаче конкретных эпитетов <...> художественные достоинства перевода Вл. Соловьева, опровергают известную аксиому о том,

²³ См.: Алексеев В.А. Новые книги // Пантеон литературы. Ежемесячный историко-литературный журнал. 1888. Т. 1. Январь–Апрель. С. 28–31 (отдел «Современная летопись») [16].

²⁴ См.: Петровский Ф.А. Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966. С. 293–306 [17]; Гаспаров М. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Поэтика перевода: сб. статей / сост. С. Гончаренко, предисл. Е. Николовой. М.: Радуга, 1988. С. 35 [18]; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с. [19]; Топпер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. С. 100–106 (об эволюции переводческой концепции Фета) [20]; Теперик Т.Ф. Владимир Соловьев: поэтика перевода (на материале перевода «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 158–164 [21].

²⁵ См.: Теперик Т.Ф. Владимир Соловьев: поэтика перевода (на материале перевода «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. С. 159–160.

что буквализм – это неудавшаяся точность. Точность может быть и удавшейся, если она соединена с глубоким проникновением в художественный мир подлинника <...> впервые в истории русской переводческой практики было показано, что важен не столько сам по себе метод, сколько то, в руках у *кого* этот метод», к «такому выводу можно прийти, анализируя поэтику того “малохудожественного”, буквалистского метода, который Соловьев должен был применить в соответствии с принципами своего более авторитетного коллеги <...> Энеида» в переводе Вл. Соловьева доказывает как то, что перевод – это искусство, так и то, что вербальная точность не всегда столь опасна и разрушительна, как утверждали ее оппоненты» [21, с. 163–164]. Утверждения, высказанные в списочном порядке и не подкрепленные серьезным беспристрастным анализом, остаются лишь вкусовыми высказываниями. К тому же, отстаивая преимущество того или иного случая, следует иметь в виду, что принятие конкретного варианта носило зачастую коллективный характер: как отделить вклад окончательной редакции Нагуевского, Кулаковского, Фета и Соловьева. Так, 14 сентября 1887 г. Фет сообщал Нагуевскому, присылающему поправки, о Соловьеве и характере совместной работы с ним: «Увлекаясь знанием латинского языка, он не всегда справляется с немцами и в болезненном раздражении готов отстаивать явные промахи перевода. Тем не менее с большими усилиями с моей стороны мне мало-помалу удалось склонить его к принятию многочисленных вариантов, введенных мною в перевод, но затем уже он решительно противится всяческим поправкам с моей стороны» [6, с. 408]. Мы не имеем ни одного исследования, в котором был бы дан научный сравнительный анализ переводов девяти книг «Энеиды» Фета и трех книг Соловьева с учетом коллективного характера редакции. Даже если такой анализ и будет возможен и прозвучит не в пользу Фета, наука будет располагать доказательной базой, а не перечнем пристрастий в пользу того или другого соавтора. Заметим только, что, если бы перевод Соловьева существенно отличался от принципов, заданных Фетом, едва ли этот творческий союз был бы возможен и, зная щепетильность Фета, мы вряд ли имели бы имя Соловьева на титуле «Энеиды» как равноправного, но другого переводчика. Между тем все части перевода органичны и выполнены упорно декларируемом Фетом так называемым «буквальным» методом, стремящимся к абсолютной передаче буквы и духа оригинала. Итак, при отсутствии научного сравнительного анализа двух переводов нет оснований ни для вычленения части Соловьева, ни для признания ее преимуществ над основным фетовским переводом «Энеиды».

Список литературы

1. Кулаковский Ю.А. К юбилею А.А. Фета. Киев: Т-во печ. дела и торговли И.Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киевск. отд-ние, 1889. 10 с.

2. Незданный перевод Фета. Лукреций. О природе вещей / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 3. К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета (1820–2020). СПб.: Росток, 2018. С. 264–339.
3. Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Ч. 1. 452 с.; М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Ч. 2. 402 с.
4. Ювенал Д. Юний. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1885. 245 с.
5. Асланова Г.Д. Письма А.А. Фета А.В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. М.: Изд-во Российской государственной библиотеки, 1995. Вып. 50. С. 214–246; М.: Пашков дом, 2000. Вып. 51. С. 251–279; М.: Пашков дом, 2004. Вып. 52. С. 106–134.
6. Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагуевским (1887–1890) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 365–449.
7. Письма Ю.А. Кулаковского к Фету (1887–1892) / публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 428–520.
8. Ипатов С.А. «Как по крылам зашумят, тенетами рошу обступят...»: о фетовском прочтении одного стиха «Энеиды» Вергилия (Aen. IV, 121) // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 108–126.
9. Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–427.
10. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1908. 283 с.; Т. 2. СПб.: тип. «Общественная польза», 1909. 369 с.; Т. 3. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1911. 340 с.; Т. 4. СПб.: Изд. «Время», 1923. 244 с.
11. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. (Литературное наследство. Т. 103). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 992 с.; Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1039 с.
12. Фет Афанасий. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1988. 464 с.
13. Вергилий. Энеида. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д.И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I–VI. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888. XXIII, 201 с.; часть вторая. VII–XII. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888. 196 с.
14. Соловьев В. Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Владимира Соловьева. Т. 1. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1899. 366 с.
15. Б. п. <Кулаковский Ю.А.>. Энеида Вергилия / пер. А.А. Фета... Часть первая. I–VI. Москва. 1888... // Русский вестник. 1888. Т. 194. № 1. Январь. С. 289–293 (Отдел «Новости литературы»).
16. Алексеев В.А. Новые книги // Пантеон литературы. Ежемесячный историко-литературный журнал. 1888. Т. 1. Январь–Апрель. С. 28–31 (отдел «Современная летопись»).
17. Петровский Ф.А. Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966. С. 293–306.
18. Гаспаров М. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Поэтика перевода: сб. статей / сост. С. Гончаренко, предисл. Е. Николовой. М.: Радуга, 1988. С. 29–62.
19. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
20. Топпер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. 253 с.
21. Теперик Т.Ф. Владимир Соловьев: поэтика перевода (на материале перевода «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 158–164.

References

1. Kulakovskiy, Yu.A. *K yubileyu A.A. Feta* [To the anniversary of A.A. Fet]. Kiev: Tovari-shchestvo pechatnogo dela i trgovli I.N. Kushnerev i Ko v Moskve, Kievskoye otdelenie, 1889. 10 p.
2. Generalova, N.P. Neizdannyy perevod Feta. Lukretsiy. O prirode veshchey [Unreleased translation of Fet. Lucretia. About the nature of things], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 3. K 200-letiyu Afanasiya Afanas'evicha Feta (1820–2020)* [A.A. Fet: Materials and research / ed. by N.P. Generalova, V.A. Lukin. Issue 3. To the 200th anniversary of Afanasy Afanasyevich Fet (1820-2020)]. Saint-Petersburg: Rostok, 2018, pp. 264–339.
3. Fet, A.A. *Moi vospominaniya. 1848–1889, v 2 ch.* [My memories. 1848–1889, in 2 part]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1890. Part 1. 452 p.; Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1890. Part 2. 402 p.
4. Yuvenal, D. *Yuniy. Satiry. V perevode i s ob'yasneniyami A. Feta* [Junius. Satire. In translation and with the explanations of A. Fet]. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1885. 245 p.
5. Aslanova, G.D. Pis'ma A.A. Feta A.V. Olsuf'evu [Letters A.A. Fet to A.V. Olsufiev], in *Zapiski Otdela rukopisey RGB* [Proceedings of the Department of manuscripts of the RSL.]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki, 1995, issue 50, pp. 214–246; Moscow: Pashkov dom, 2000, issue 51, pp. 251–279; Moscow: Pashkov dom, 2004, issue 52, pp. 106–134.
6. Ipatova, S.A. Perepiska A.A. Feta s D.I. Naguevskim (1887–1890) [Correspondence A.A. Fet with D.I. Naguevskij (1887–1890)], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 1* [A.A. Fet: Materials and research. Issue 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2010, pp. 365–449.
7. Ipatova, S.A. Pis'ma Yu.A. Kulakovskogo k Fetu (1887–1892) [The Letters of Yu.A. Kulakovskiy to Fet (1887–1892)], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2* [A.A. Fet: Materials and research. Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 428–520.
8. Ipatova, S.A. «Kak po krylam zashumyat, tenetami roshchu obstupyat...»: o fetovskom prochtenii odnogo stikha «Eneidy» Vergiliya (Aen. IV, 121) [“How the wings will make a noise, the grove will be surrounded by tenets...”], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2* [A.A. Fet: Materials and research. Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 108–126.
9. Petrova, G.V. Perepiska Feta s Vl.S. Solov'evym (1881–1892) [Fet's correspondence with Vl.S. Solovyov], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2* [A.A. Fet: Materials and research. Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 359–427.
10. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva, v 4 t., t. 1* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov, in 4 vol., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1908, vol. 1. 283 p.; Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1909, vol. 2. 369 p.; Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1911, vol. 3. 340 p.; Saint-Petersburg: Izdanie «Vremya», 1923, vol. 4. 244 p.
11. *A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie, v 2 kn.* (Literaturnoe nasledstvo. T. 103) [A.A. Fet and his literary environment: in 2 books. (Literary heritage, Vol. 103)]. Moscow: IMLI RAN, 2008, book 1. 992 p.; Moscow: IMLI RAN, 2011, book 2. 1039 p.
12. Fet, A.A. *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters.]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1988. 464 p.
13. *Vergilij. Eneida* [Vergilij. Eneida]. Moscow: Tipografij A.I. Mamontova i K^o, 1888. Part 1. I–VI. 201 p.; Moscow: Tipografij A.I. Mamontova i K^o, 1888. Part 2. VII–XII. 196 p.
14. Solov'ev, V. Predislovie [Preface], in *Tvoreniya Platona. T. 1* [The works of Plato. Vol. 1]. Moscow: Izdanie K.T. Soldatenkova, 1899. 366 p.
15. B. p. <Kulakovskiy, Yu.A.>. Eneida Vergiliya. Ch. 1. I–VI. Moskva. 1888... [Eneida of Vergilij], in *Russkiy vestnik*, 1888, vol. 194, no. 1, Yanvar', pp. 289–293.
16. Alekseev, V.A. Novye knigi [New books], in *Panteon literatury. Ezhemesyachnyy istoriko-literaturnyy zhurnal*, 1888, vol. 1, Yanvar'–Aprel', pp. 28–31.
17. Petrovskiy, F.A. Russkie perevody «Eneidy» i zadachi novogo ee perevoda [Russian translations of the Aeneid and tasks of the new its translation], in *Voprosy antichnoy literatury i klas-*

sicheskoy filologii [Questions of ancient literature and classical philology.]. Moscow: Nauka, 1966, pp. 293–306.

18. Gasparov, M. Bryusov i bukvalizm (po neizdannym materialam k perevodu «Eneidy») [Bryusov and literalism], in *Sbornik statey «Poetika perevoda»* [The Poetics of translation: collection of articles]. Moscow: Raduga, 1988, pp. 29–62.

19. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his Time]. Moscow: Progress, 1990. 720 p.

20. Topper, P.M. *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Translation into the system of comparative literature studies]. Moscow: Nasledie, 2001. 253 p.

21. Teperik, T.F. Vladimir Solov'ev: poetika perevoda (na materiale perevoda «Eneidy» Vergiliya) [Vladimir Solovyov: Poetics of Translation], in *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka. K 150-letiyu Vl. Solov'eva i 110-letiyu A.F. Loseva* [Vladimir Solovyov and the culture of the Silver age. To the 150th anniversary of Vl. Solovyov and the 110th anniversary of A.F. Losev]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 158–164.